

## Рапсодия V (Е)

[Товарищи дожидаются на берегу Одиссея, который отправился похитить Елену]

*К матери Солнце своей возвращалось, а та беспокойно  
бросилась алый очаг разжигать в основании неба,  
сорок хлебов чтобы выпечь успеть к возвращению сына.  
Видя, что солнце уходит под воду, товарищи быстро  
5. подле скалы разложили костер и на вертел козленка  
ловко продели, его захватив у расщелин петлюю.*

Неумелый в трудах Флейтист сидел, скрестив ноги, на камнях и поворачивал вертел. Дым щипал его раскосые глаза, но он смеялся, облизывался и тайком покусывал мясо. 10. Все собрались у костра, вожаденно ожидая, когда козленок подрумянится, чтобы поужинать: голод досаждал их телам, и они желали утешиться едой и питьем.

Уставший от морских трудов капитан Устрица с колючей бородой, вздохнул и затянул скорбный напев:

15. «Ах, море-моряшко, ты множеству кораблей капитанша-сударыня! Ты подрагиваешь, изгибаешься и принаряжаешься, по песчаному берегу прогуливаешься, по песчаному берегу-бережку прохаживаешься, чтобы парни тобой любовались! А вот матери да сестры, да ткачихи за станками ткацкими все в черных одеждах голосят, воздевая в небо руки: «Будь ты проклято, море горькое, над мужчинами насмешница! Ты по песочку прогуливаешься, поблескивая лодыжками, смеясь грудями своими да зубками, и берегами своими округлыми. И мужчины тоже смеются, вздыхая и спускаясь к тебе на берег песчаный. «Здравствуй, капитанша-сударыня! Какую ты дашь мне ягоду-виноградину?» «Дам тебя я одеяльце из четырех ветров, волну дам тебе в изголовье и чайку совсем крошечную, чтоб сестре твоей, да матери, да любовнице твоей ласковой приносила весточку!»

Так вот горестно пел капитан Устрица своим хриплым голосом, пока вертел вертелся да благоухало жарившееся мясо.

«Хороша твоя песня, Устрица, только проголодался я и приступаю к делу!», 30. грубо сказал Кузнец, протянув свою натруженную руку.

Устрица со всколоченной бородой засмеялся и сказал, набивая себе рот:

«Пусть себе брюзжит эта глупая песня! Если любишь, не жалеи ни костей, ни мяса! 35. Я, братья, пропал, потому что я – пропажа, и разбрасываю, потому что я – разброс!».

Сотрапезники засмеялись и жадно бросились делить козленка: мясо ненасытно разрывали, зубы сверкали, было слышно только, как шумно работают могучие челюсти, падают на гальку обглоданные кости козленка, 40. да еще фляга булькает на засаленных губах.

Завершив вечерний ужин и вымыв руки в море, товарищи снова стали рассуждать об оставивших их на время заботах:

«О, если бы, Боже, наш храбрый капитан вернулся, держа в крепких объятиях Крутобровую!»

45. Не успел Флейтист произнести эти слова речь, как орлиноглазый Камень вдруг вскочил, и его голос загремел по берегу:

«Глядите, ребята! Его острокопечная шапка показалась вдали!»

При этих словах, толпа сразу же вскочила и увидела большую колесницу, шапку своего капитана и белого голубя, 50. который летел впереди указующим путь вестником. Пятеро молодцев встrepенулись, словно молодые львы при виде могучего льва, несущего им добычу.

Пыль поднялась столбом: последним бежал Флейтист, спотыкаясь и цедя сквозь зубы:

55. «Ребята, я вижу пару белых крыльев в колеснице! Так что сегодня мы будем спать вблизи Елены мужелюбной!»

Но Устрица уже остановил коней, с которых падала пена... Крики радости... Кузнец бросился вперед, схватил в свои могучие объятия и бережно опустил на землю прославленную женщину. 60. Запрокинутое вверх его пламенеющее лицо сияло, словно огонь, словно он принес в кузницу и опустил на наковальню раскаленную добела медь, чтобы ковать убийственные мечи.

«Скорее, ребята! Поднимайте парус! Закончим начатое!», приказал капитан корабля и, словно на крыльях, бросился к берегу.

65. Закат еще пылал, и ночь медленно опускалась, словно куропатка с розовыми лапами. Огромная нежность безмятежного вечера обволакивала мир: словно ночные птицы, поднимались сердца в нашем разветвленном внутри существе, чтобы петь всю ночь о том, чего они стыдились днем.

70. Девушка вздыхала в одиночестве, все листья вздрагивали, а вдова выводила свои желания на ночное пастбище. Старый царь<sup>1</sup> рухнул долу на террасе своего дворца: словно задыхающийся кролик, он медленно покачивал головой и играл своей короной, много, очень много часов кряду вертя ее безмолвно в пальцах: мысли его были далеко, он видел белоснежные дороги, коней, пустынные берега, слышал смех. Его сухие глаза были неподвижно обращены к югу, словно следя за падающей, нескончаемо падающей звездой. В этот час наши товарищи взошли быстро на корабль 80. и легко поставили на его корме звездогрудую Елену.

«Добро пожаловать, Пеннорожденная горгона корабельная<sup>2</sup> с роковым кристаллом на воинственной груди!»<sup>3</sup>

Многострадальный радостно приветствовал ее, и сердце его радовалось, что неведомое будущее всегда то опускает, то снова поднимает его: 85. он не желал, чтобы земля утратила вместе с разумом и девственностью.

Они отплыли. Заскрипели снасти, разъярились два светоча у носа<sup>4</sup>, и, словно купающийся конь, корабль ринулся вперед среди пены: стройные груди возжелали всего синего моря. Сидя верхом на корабельном носу, Мечтатель воскликнул:

90. «Пусть никогда не кончается это священное плавание, друзья! Пусть ваш протяженный стройный корабль с Еленой нескончаемо несет нас среди открытого моря без родины!»

А Елена молча смотрела на зеленые воды за кормой, на недолговечную кудрявую пену и с радостью чувствовала, 95. как морской ветер ласкает по-мужски ей грудь, освежая ее до самых розовых лодыжек.

При входе в гавань, она даже не взглянула ни на остров<sup>5</sup>, который нежно выстлал перед ней свою тень, ни на его цветущую зелень, где она впервые соединилась любовно с прекрасным чужестранцем, 100. и, охваченная страстью, снова посрамила отеческих богов.

Многостранственный держал кормило и перебирал в памяти дальние страны, думая, куда направить путь. Теплые звезды искрились, собрались у мачты, а все товарищи собрались в тесный круг поужинать на палубе: 105. молодцы никогда его не вкушали столь вкусного хлеба, и столь свежий пассат никогда не дул еще в их лица. А Мужелюбивая радовалась втайне, потому как снова возвращался тяжелый мужской запах, снова колыхались страны, снова ветер свободы обвевал ее обрамленное кудрями чело. 110. Она тоже много лет уже не подносила ко рту такого вкусного хлеба, уже много лет не обвевал ее грудь столь сладостный ветер!

<sup>1</sup> [Менелай]

<sup>2</sup> Горгона здесь – реалия уже не античных времен. Это сказочное существо, напоминающее славянских морских русалок, а в данном случае – женская резная фигура на носу корабля.

<sup>3</sup> Аллюзия к эгиде Афины.

<sup>4</sup> Нарисованные «глаза» корабля.

<sup>5</sup> Островок Краны, напротив Гифия у южного побережья Пелопоннеса, где бежавшие из Спарты Елена и Парис провели свою первую ночь (*Илиада*, III, 445).

Молодцы поели, подкрепились и уселись на скамьях: словно освежающая вода, вся жизнь ликовала в их теле, судьба порфирной розой распустилась в их разуме, 115. и они поглощали ее нектар, словно насекомые. Не на корабле ведь гребли они и не на волнах: они ненасытно перемещались с лепестка на лепесток по благоуханной розе, а их живот и бедра наполнялись цветочной пылью. Разум вздрагивал в их могучих головах, и весь мир вздрагивал: 120. Мир не был каплей воды, судьба не была розой: они вдыхали дыхание Елены, и разум их содрогался.

Бурдюк<sup>6</sup> поглаживал свою бороду, шевелил козлиными губами и игривым голосом изрекал слова грубого обмана и истины о золотых дворцах, о винах и служанках, 125. и жизнь становилась сказкой, когда он рассказывал, как лежал среди пифосов с вином, а служанки ласкали его, как с башенной террасы ниспадал смех Семидушного, снося весь дом до основания, словно река, и как на рассвете разум с орлиными когтями бросался на Елену. 130. Голуби во дворе и кони в поле бросались врассыпную, и, словно камни, гремели и искрились головы товарищей, настолько околдовывал их разум побратим!

И только Скала (Πέτρακας), прислонившись в одиночестве к борту, смотрел, как бегут черно-белые стада коз и овец, 135. а другие, кудрявые, следуют за ними, и море было заполнено до самого края плотными отарами, словно царские овчарни.

Капитан между тем перебирал в мыслях страны и рассуждал. Отправиться ли в пустынные северные моря, чтобы борода его наполнилась, как у Червя\*, тяжелыми сосульками? 140.

Или же решительно направить корабль на юг – к земле с грозными зверями и курчавыми людьми, железные врата которой распахнул перед ним критский лирник? А, может быть, причалить однажды утром к черным благовониям Арапии<sup>7</sup>, чтобы увидеть, как запекают на солнце хлеб и как доят луну?... 145. «Здравствуйте, мои черные братья! Не хотел я пасть и утонуть среди волн, не попрощавшись с вами! Говорят, что земля – это барабан, который висит у вас на шее. Так поднимите же руки и бейте в него пока не разобьете совсем!»

Так шептал смеющийся разум Путешественника по миру...

150. Все казалось ему прекрасным, земля раскрывалась перед ним, словно ладонь пятидорожная, и манила чарующе в волны.

Он молча склонил голову и глянул в глаза Дочери Лебеда, чтобы распознать в них выпряденный судьбами\* причал, но та, легкомысленная, погрузилась в беззаботные мечтания, опустив голову на свои кристальные руки. 155. Над ней были виноградные грозди с крупными ягодами, сладостный свежий ветер дул в голубой тени, а она ехала совсем нагая верхом на черном козле...

Когда Многомысленный склонился над глубокой пропастью ее груди, его великий разум потускнел, а твердыня его главы дрогнула. 160. На мгновение его охватило малодушное желание бросить товарищей в открытом море, словно дельфинов, чтобы плыть только с Еленой, чтобы мачта расцвела и на ней повисли гроздья, и чтобы дарить ей среди виноградной листвы мужские ласки, доверившись намного превосходящему его сыну в ее лоне!

165. Но когда Одинокый направлял в мыслях своих яростные человеческие страсти, Устрица взобрался на снасти, чтобы, внимательно наблюдая за стадами звезд, разузнать погоду и понять направление ветра, вдруг в вышине над палубой раздался его грозный крик:

«Ребята, убирайте парус! Фракиец\* грозный движется на нас!»

170. Лучник поднял глаза: вздыбленные, рассвирепевшие тучи стремительно мчались навстречу по волнам, словно драконы, выбрасывающие свои когти, которые захватывали воду и шарили вслепую. Вдали уже раздавались раскаты грома, и отблески молний опоясывали море и небо, словно Бог быстро моргал 175. в гневе своими глазами: для него не

<sup>6</sup> = Кентавр (γαβαθάς) L'Otre

<sup>7</sup> Арапия – средневековое название Африки.

остался не замеченным новый корабль, который издавал глубокие горестные стенания, словно сердце человеческое. Гневливый закусил губу до крови и прорычал:

«Доколе я буду чувствовать у себя за спиной твое присутствие, убийца, пытающийся обезглавить меня своими молниями-секирами?! Устыдись, небо! Чтоб тебе сгинуть! 180. И не стыдно тебе сражаться с человеком, который всего-навсего крошечная ореховая скорлупа?! Мне хотелось, чтобы ты явился сейчас, потому что мне жаль его: не хочу, чтобы погибло плывущее вместе со мной это расцветшее тело! Ты ведь знаешь, что мне не жаль ни себя, ни моих суровых гончих. 185. Но если так тебе угодно, добро пожаловать!»

Упрек все еще звучал из его горестных уст, когда вал, нависший сверху словно башня, вдруг ударил и разбился о его голову. Дрожь прошла мурашками по его губам, кончикам пальцев и ноздрям, словно вспыхивающие и угасающие несметные искры.

190. «Свирепый ураган налетел и щиплет меня!», подумал Мореход, прикусив свои пылающие усы. Скала прошел по палубе и испуганно ухватился за борт: его горделивое тело согнулось: водные громады пытались одолеть его молодые ноги, и он устыженно прятал 195. лицо в ладонях, которые все еще пахли черными морщинистыми маслинами.

Волна отбросила Флейтиста к бизань-мачте, ударила его так, что изо рта с редкими зубами потекла соленая кровь. «Ох, теперь я достоин жалости, недолго мне осталось жить! Боже, протяни свою длань, помоги Флейтисту 200. и я пожертвую тебе оливковое масло в буйволовоу коже!» - такой обет принес хныкающий хитрец и свалился в трюм. Волны катились высоченные, судно то взлетало, то словно падало на колени, то поднималось, то снова катилось со стоном и словно прыгало пеной по ревушим пенистым волнам.

205. Все ночь напролет боролись они с ветрами, а на рассвете Бог, словно диск, выбросил солнце и разгладил море.

«Дуй, ветер, своими глупыми губами, поглоти свою ярость, потому что не поглотить тебе нас, нашу одинокую доску: душа крепко держит ее зубами и не выпустит ее!», 210. бросил свой вызов Стойкий духом и, выпрямившись, сжал кормило.

Два дня и две ночи боролись они со смертью, проваливались в пропасть волн, снова поднимались и снова разверзалась пропасть. А на третий день мощные волны сокрушили руль, все могучие боги моря захохотали и с воплями принялись 215. за дележ все еже живого кораблика: жаркий Сирокко желал заполучить Лучника, Грегаль – Елену<sup>8</sup>, а капитан Борей, смеясь, играл с Устрицей:

«Мне нравится твоя курчавая борода, я наполню ее водорослями, мурены и пескари будут заплывать в них, чтобы излить молоки. 220. Довольно ты досаждал мне: теперь я отыграюсь!» Но капитан Устрица возразил кир-Борею\*: «Много хлебов я еще съем, много кувшинов выпью прежде, чем попаду в твои лапы, чтобы ты обглодал мои кости! Зря бодаешь ты корабельное днище – только рога себе обломаешь!»

225. А Кентавр поглядывал на свои волосатые ноги, между которыми сновали черные раки и которые щипали скаты. Лежа на спине в совсем промокшем трюме он мычал, словно бык:

«Какой позор: волны поглотят меня без борьбы! А я думал, что откину копыта на суше!

230. О, если бы я мог отломить свежую ветку и сделать из нее небольшой хлыст! Тогда я бы проучил тебя, кир-Харон, отделав тебе спину!» А Камень и стройный пастух, прекрасная пара, лежали лицом вниз лежали, крепко обнявшись руг с другом, на носу корабля, закусив губы, чтобы избавиться от великого позора, не позволив страху вырваться у них из горла.

235. Наконец, на третий день, остроконечная голова показалась среди бурдюков, скуля, словно побитая собака: «Душе не избежать черной смерти, братья, потому что грех висит у нас на шее, словно тяжелый мельничный жернов, и Бог со своей молнией вопит, вызывает к

---

<sup>8</sup>Грегаль (ит. *Grecale*, греч. Γραιγός, *Graigos*; варианты грекаль, грекала, греко) — северо-восточный холодный сильный, иногда переходящий в бурю, дующий в Средиземном море. Название происходит от ит. *grecale* «греческий», поскольку в Западном Средиземноморье этот ветер дул со стороны Греции.

моему разуму: 240. «Бросьте жертву в море во искупление греха!». Выкрикнув это своим пронзительным голосом, Остроголовый тут же исчез в трюме, вызвав всеобщий испуг. Все молча устремили взгляд на ужасающую корму, где лежало среди канатов бледное божественное тело.

245. Почувствовав, что на нее смотрят, Елена испугалась, но из гордости даже не вскрикнула и не стала обнимать мужские колени, припадая к ним своими непобедимыми грудями: она уже преодолела женскую природу и стыдилась этого. Безжалостный Кузнец поднялся молча, огненный осьминог 250. вздулся, ожил и бил по его свирепой образине: тяжело ступая через лавки, он широким шагом двинулся к божественному телу. В мгновение, равное вспышке молнии буря утихомирилась, и кир-Борей остановился. Великомилостивая<sup>9</sup> прикрыла себе лицо своими маленькими руками, и вся жизнь мысленно пронеслась в ее мыслях, словно быстроекрылый сон: 255. это была машущая крыльями золотая птица, исчезнувшая в сладостном головокружении. Кузнец протянул было руку к прославленным косам, но тут неожиданный удар кулака обрушился на него, и он медленно отступил. «Какой позор!», тихо прорычал он, кусая свои рыжие усы<sup>10</sup>. А Быстроглазый, который неусыпно управлял судьбой 260. и взвешивал души на корабле, крикнул радостно: «Эй, Кузнец-молодец! В этот тяжкий час ты показал гордым царем, бросая вызов Смерти! Клянусь тебе торжественно новым богом, который со мной: я возведу тебя на престол в самой первой земле, к которой мы причалим!»

265. Но Козлобородый только горько усмехнулся, скривив губы:

«Не беспокойся: никогда, никогда больше не радоваться нам земле! Впрочем, ты уже увенчал своим словом мои рыжие волосы, так что я погружусь в волны как гордый царь!»

Но тут Камень, лежавший лицом вниз на носу корабля, 270. заметил вдруг среди пенящихся волн голубую вершину горы, которая блистала, то поднималась, то вновь опускалась у самой брови морской.

«Земля», закричал он, и все сразу же поднялись и устремили взгляды на море.

Устрица долго пытался разглядеть лик земной, а Странник Мира радостно вопрошал свое сердце, 275. куда бы он особенно желал быть заброшенным ветрами, хотя все земли казались прекрасными душе человеческой.

«Это Крит!», раздался вдруг голос старого моряка.

Сердца затрепетали в груди, созерцая священную мать, а Возвышенный Разумом обратился с улыбкой к своему богу:

280. «Я просил у тебя хлеба, а ты угощаешь меня целыми свежеспеченными караваем! Я просил у тебя глоток вина, а ты дал мне полный бурдюк величиной с меня самого! Я просил у тебя полоску земли, чтобы ухватиться там за ветку, а ты щедро одарил меня целой корзиной золота – Критом! Прекрасное кушанье, которое совсем избавит от голода!»

285. Небо мало-помалу прояснилось, ветер улегся, и настрадавшийся корабль направился к берегу. Гребцы снова взяли за длинные весла, которые снова закрипели в уключинах, и устремились вперед, устремив взоры к божественному острову<sup>11</sup>.

А Елена, словно росистая заря, легко улыбались сквозь слезы, 290. и ветер шевелил черные локоны у ее чела. Она склонилась к коленям Лучника, вода ниспадала каплями с ее волос. «Как мне хочется говорить с тобой, да только я не в силах вымолвить ни слова...»

Сладкогласая поднялась, но, заглянув ему в глаза, ужаснулась и молча припала к его мокрой груди: 295. В его бездонных зрачках она увидела Крит, который, словно парусник, то поднимался, то опускался у него под ресницами<sup>12</sup>. Первотворец душ<sup>13</sup> молча поглаживал

<sup>9</sup> Обычный эпитет Богородицы. Англ. перевод great-graced lady, ит. Graziosa.

<sup>10</sup> Картерос – это рыжебородый кузнец Иуда из «Последнего Искушения». Это сцена расправы над вдовой из «Зорбаса» (несостоявшейся) расправы Иуды над Магдалиной в «Последнем Искушении».

<sup>11</sup> Сравни корабль в бурном море, направляющийся к Криту, в «Зорбасе».

<sup>12</sup> Ср. парусник как сущность писателя в «Отчете». И Крит как трехмачтовый корабль в «Отчете».

<sup>13</sup> The leader of souls, Il Capitano di anime

свою бороду, и режущая улыбка простерлась до грубых оснований его ушей. Многогрудая, бесстыжая земля острова 300. простерла, согнув ноги, на волнах свое тело, захваченное множеством торговцев: он часто видел их великолепные корабли у далеких берегов и восхищением наблюдал, как они прохаживаются по молу, красуясь, словно птицы, павлиньими перьями и золотыми украшениями. Их заносчивые капитаны уже вдоволь поели и выпили в этой жизни, много чего повидали в ней, испытали вдоволь радостей и поцелуев, 305. натешили свои тела, и теперь, надушившись после бани, расслаблялись под опахалами в крепких объятиях чернокожих рабынь. Их пальцы уже совсем немощны, но все еще в перстнях, их бедра уже истощились, но лица сияют, 310. пресыщенные насмешливым разумом и откровенным знанием. Они говорят, что боги обесценились до того, что стали украшениями их дома: заперев богов в золотых клетках, словно попугаев, они слушают, как те произносят человеческим голосом то, чему их научили, и посмеиваются.

315. Лучник неотрывно смотрел на великий царственный остров: **Крит, словно роскошный корабль, тонул, нагруженный погибелью, среди громадных волн.** Уже сияли, приближаясь, безмятежные вершины Иды и вклинившиеся между скал белели, словно яйца дракона, селения. 320. Душа Скалы наполнилась почвой, учуяв землю: он созерцал красующиеся под солнцем далекие пышные пастбища, желал подняться к ним и слушать звон колокольчиков, и его борода сверкнула, встав дыбом, как у козла.

Словно куропатки, два наших горца запели песню, напоминающую прохладный родник, 325. бегущий по лесистой горе:

«О, Боже, если бы оказаться мне в горах, вдохнуть широкой грудью, увидеть, как расцветает во всей красе асфодел, увидеть росистую мяту, как бьет крыльями куропатка, как шумят леса! Пусть услышит меня любимая девушка, пусть закроем дверь вместо засова 330. большой веткой базилика, пусть мята будет ее сторожем, а кудрявая гвоздика охраняет ее грудь!»

Так пели два горца-молодца, давая выход своему томлению, а горы становились все суровее, все больше, раскрывая вширь берега, словно клешни краба, и корабль неудержимо неся вперед, 335. поскрипывая своим деревянным носом, в устье гавани. Стройногрудая земля Критская вздрагивала всем телом, то опускаясь, то поднимаясь, а Елена вдруг побледнела, и дрожь пробежала по ее телу: она смотрела на красующийся в волнах прославленный остров, и на память ей пришли старинные сказки о драконах, 340. которыми ублаживала ее когда-то старая няня:

«Далеко-далеко, Леньо<sup>14</sup>, на берегах Крита – будь он проклят! – рычит рогатый дракон-людоед! Крит, Леньо, это лежащая на волнах ламия<sup>15</sup>, которая заплетает в косы свои зеленые волосы и, смеясь, топит корабли. 345. Никогда, Леньо, пусть не ступят твои нежные ноги на землю Крита!»

А теперь она неудержимо неслась туда. Разве можно избежать своей участи? Она неслась к богу-людоеду с бычьей мордой...

Но ты, Устрица, машешь длинным веслом, словно крылом, и ни предрассудки, ни страх не волнуют тебя. 350. Даже если предначертано, что прославленный остров, к которому ты летишь на всех парусах, поглотит твое просоленное тело, твое огромное волосатое ухо от этого не дрогнет – вот и замечательно! Ты работаешь огромным веслом, с губ твоих не сорваться робким словам: на тысячи ладов разукрашиваешь ты грозную Владычицу морскую: 355. “Все море – ткацкий стан, а Крит – ткущая на нем ткачиха. Блаженны очи, удостоившиеся зреть ее в море! Если робок, то взбодришься, если смиренный – исполнишься отваги, если несчастья гнетут тебя, пусть ведет тебя светлый разум и, забыв о всяком черном горе, подними руки, 360. благословляя отца и мать, давших тебе жизнь!»

<sup>14</sup> Леньо – греческая уменьшительная форма имени Елена.

<sup>15</sup> Ламия – женщина-чудовище древнегреческого фольклора.

Одиссей молча обратился в созерцание, в слух, в чувство, и Крит вместе со всеми своими городами и благоуханиями падал в эти огромные колодцы.

Стража на горе прокричала протяжно: «Корабль приближается!» Стража на берегу прокричала: «Корабль вошел в гавань!»

365. Лучник спрыгнул на берег и крикнул: «Приветствую тебя, Крит!»

Но ужас восседал на вершине ликования: товарищи, корабельные снасти, весла, грозные воды, женщины, гладкие губы, смеющиеся глаза и пестрые крылья – все это двигалось размашистым шагом, словно проплывая в кошмаре.

370. Подошел стражник, спросил какого они рода-племени. Из рта его раздалось клокотание, словно кувшин опорожнялся на солнце, а в руках у него была восковая табличка, на которой он прочерчивал записи тростинкой.

Лучник засмеялся и, отстранив кудреглавого, сказал: «Дай нам чуточку отоспаться и перекусить, 375. чтобы душа пришла в себя и поведала о роде-племени. Запиши пока что: мы – изорванные паруса и морские тюлени!»

После этих слов они скользнули в продолговатое строение с прохладной тенью, едва живые от усталости упали на плиты, и от благоуханной земли, словно на мягкий мох, явился сон, охватив обрамленное кудрями чело.

380. Опустилась ночь, и зажглись бледными огоньками светлячки, в высях прыгали и пылали звезды, и вздрагивали кристальными близнецами-округлостями груди Елены. Сон уселся над нашими друзьями, словно рыбак, который, ссутулившись, чинит разорванные сети, снова вешает на них крючки, 385. и медленно латает разрывы тела. В полдень, однако, голод, словно хищный зверь, прогнал сон. Первым проснулся обжора и сказал, щелкнув языком: «Проголодался я, друзья. Ах, если бы было у нас немного хлеба и мяса!» Тогда раздался шипящий голос человека с обликом акриды:

390. «С пробуждением тебя, обжора! Не кричи, сейчас нажрешься! В глазах у меня, рябит, ребята, или я уже вижу царский венец Крита на льняных косах Кузнеца? Ну же, царь, поднимайся и распорядись насчет еды, вина и женщин!» А Кузнец только приподнял с земли свое горделивое тело и сказал:

395. «Богом клянусь, больше хлеба и вина возжелала душа моя увидеть эту землю и пройти по ней!» Скала легко вскочил и стал подле друга, но неутомимый разум Лучника трудился еще до рассвета: «Прежде всего следует позаботиться о наших изнуренных телах.

400. Охотничий разум приметил у мола зайца», сказал он, и три человека пропали в портовой толпе.

Тогда Елена медленно извлекла тайком спрятанный у нее между высоких грудей пророческий кристалл, чтобы увидеть новый путь, уготованный ее душе, и, наклонившись, стала вглядываться в глаз Божий, но не увидела там ничего, 405. кроме окружавших ее лохматых спутников, которые напоминали своими свисавшими долу усами тюленей, выброшенных морем на далекие берега:<sup>16</sup> рядом с ними она казались белоснежным лебедем среди тюленьего стада. Склонившись молча, Солнцержденная исследовала свою судьбу, 410. пытаясь разглядеть тропу в лесной чаще. Вдруг кристалл потемнел, исчез среди богатства, появилась скрывшая все высокая остроконечная шапка, и испуганная Елена спрятала божественный зрачок в глубине своих грудей, услышав тяжелый, но ликующий голос Предводителя.

415. «Едите и пейте, молодцы, насыщайте ваши тела!», сказал он, открывая перед ними корзины и наполняя их ручищи<sup>17</sup>. Все набросились на еду, и страшные челюсти заработали, словно мельничные жернова, отчего все строение, где они находились затряслось. Люди хватали хлеб руками, которые разъярялись, словно хватали ножи. 420. Они набросились на вино, которое вдруг шумно полилось сверху, словно облачая их в бронзовые панцири и

<sup>16</sup> Мадам Ортанс в «Зорбасе».

<sup>17</sup> Ср. Христа, насыщающего народ в «Последнем Искушении».

прикрывая щитами: вино сразу же становилось кровью, а мясо – крепкой плотью. Когда они поели и выпили, земля вокруг стала неподвижной, а порт перестал качаться. Тогда Божий остаток выпитого разразился громким смехом<sup>18</sup>: 425. «Боже мой, покровитель дружбы», воскликнул он, «как это ты превратился в хлеб, вино и мясо и сумел залезть в наши утробы!» Хулитель неба засмеялся и сунул свои руки освежиться среди фруктов и бурдюков с вином. «Я повидал мир, братья, и испытал много радостей, но нигде в мире не видел такой божественной ярмарки. Мне было предписано судьбой повидать теперь и самих богов, которых продают связками, нанизав, словно раков, на тростинки. Ну, же, смертный, выбирай себе любого бога для той или иной надобности: для моря, для суши или чтобы исцелиться от хвори, 435. – чтобы перерезать пуповину, от зоба, от падучей, от тонзилита, от боли в горле, от малярии, от водянки: все боги – целыми связками и все это – знахарство! И тут прихожу я, держа за ноги мою жертву – бога: «Здравствуй, торговец! Я принес тебе бога-чудотворца, 440. который мечет громы и молнии и распоряжается дружбой во всем мире». Старик поворачивается ко мне и шипит своими гладкими губами: «Хорошо, что ты принес его! Ну-ка, глянем, что это за птица!» Он трет бога о «золотой камень»<sup>19</sup> и взвешивает на весах. «Действительно: клянусь Богом, это чистое золото!», 445. кричит торговец, да так, что жидкость выступает у него из ушей. Начинается деловой торг, который заканчивается соглашением. Так что, братья, вы съели бога, и разум вас стал могучим зверем. Впрочем, погодите: чудеса на этом не кончились!»

С этими словами Многохитростный подмигнул Камню 450., и наш приятель, засмеявшись, опрокинул глубокий сосуд, из которого посыпались кожи, сандалии, одежды (σφιχτοῦρια) и пояса, который Мореплаватель разделил поровну между членами своего отряда.

«Бог все устроил прекрасно, потому что он – всемогущий. Мы оденемся, как здешние критяне, потому что стыдно являться на глаза царю оборванцами. А для Елены я раздобыл небо со звездами!»

И он извлек на свет такой женский наряд, от которого смуглые лица озарились светом от украшений и сверкающих драгоценностей.

Ликующая Искусница Любви<sup>20</sup> раскрыла свои объятия:

460. «Это словно грозная буря на море, Многохитростный! Как искусно повелеваешь ты сердцем женщины! Ожерелья, монисты, перья, серебряные украшения – как все это радует пеструю божественную птицу, пребывающую внутри нашей женской головы!», сказала она, взяла свой разукрашенный наряд и исчезла.

465. А мужчины немедленно надели молодецкую одежду.

*«Ну, же! Пройдемся-ка гоголем мы в европейских одеждах!»<sup>21</sup>, весело братья вскричали, и смехом зашились неумным.*

*Из-за угла показалось вдруг гибкое женское тело.*

*Все от сиянья его свои очи прикрыли руками:*

470. *стройные груди нагие призывно светились во мраке,*

*горы песчаные роз среди мирской появились пустыни,*

*юбка на ней расцветала – весна среди пышного луга.*

*Очи Вождя вдруг сверкнули и волосы поднялись дыбом:*

*«Как – то я видел, друзья, что Война наклонилась низко,*

<sup>18</sup> Переводы К. Фрайера и Н. Крочетти усматривают здесь Флейтиста.

<sup>19</sup> В англ. переводе «пробный камень» (touchstone), в итал. – «черная яшма» (diaspro nero).

<sup>20</sup> ἐρωτοδωμάτα В англ. переводе «лик любви» (love's face), в итал. – «любовные очи» (occhi-amorosi).

<sup>21</sup> Критское слово ψαλιδόκωλος (буквально «с задницей как ножницы») – ироническое обозначение одежды на европейский манер и в особенности фрака, форма которого напоминает раскрытые ножницы.

*475. в две упираясь вершины, и жажду рекой насыщая:  
воды наполнились кровью до дна и вскипали в глубинах,  
только тогда не боялся я так, как теперь ужасаюсь Елены!»*

Скала вдруг задрожал, вспомнив о брате:

«Иногда мне кажется, Вождь, и от этого стыд охватывает мое сердце, 480. что все мы, и ты тоже, словно робкие овцы, следуем за великим воителем — за нагой грудью, полной молока!»  
Великослаженный<sup>22</sup> разум молчал, отказываясь являть самые дерзкие чаяния, самые затаенные горести. Он собрал товарищей и дал им наказ:

485. «Рассейтесь, братья, разойдитесь по гавани, обратитесь в зрение, в слух, в обоняние, раскройте ваши сердца. Земля эта прекрасная, но времени у нас мало. Встретимся снова и поговорим с наступлением темноты».

После этих слов все разошлись, и каждый направился туда, куда влекло его сердце.

490. Кузнец направился произвольно прямо к мастерским. Широкоплечий, положив руку на шею Флейтисту, повел его вверх, к извилистым портовым улочкам, расспрашивая, где найти хорошее вино и красивых женщин. Два горца, взявшись за руки, прогуливались у мола, 495. где им давали знаки портовые девушки с резким запахом, с распущенными волосами и богами, висящими у них на грудях, но, пребывая в первых сладостных чувствах любви, они не искали ни женского поцелуя, ни выпивки. Храбрый капитан Устрица, словно корабельный пес, 500. ходил от корабля к кораблю в поисках старых приятелей: его устремившийся в море разум ликовал, ласково глядя на корабли с носами, разукрашенными быстрыми в путешествиях носами, когда пронзительный голос нежданно вернул его на землю:

«Эй, капитан Устрица, здравствуй, снег среди лета!»

505. Обернувшись, Устрица увидел старого друга — лысого капитана с продолговатой головой и ниспадающими на плечи седыми волосами. Зарывав от радости, наш приятель бросился ему в объятия, и они принялись болтать часы напролет о море, похожем на серого коня, раскрывая широко друг перед другом душу, словно устрицы, 510. над которыми катится волнующееся море.

А Лучник и Крутобровая разглядывали несметные богатства, которые выгружали, складывая на берегу прибывшие из дальних стран многовесельные галеры.

*Крит на башне в порту восседал, как царица на троне,*

*515. зря, как четыре любовника ей дорогие подарки  
свозят из дальних заморских краев — кораблей караваны.*

*Рыжебородый Борей появился порывистый первым,  
милый к пшеничного цвета ногам омываемым морем  
толстые шкуры слагая, невольниц неся плодовитых,  
520. щедро рассыпав медовый янтарь на горячие камни.*

*Дующий с дальнего края тенистого Западный ветер  
— виснут усы у него, на лодыжках — браслет медноковный —  
ей серебро доставляет и олово в слитках блестящих.*

*Дует с Востока легко многоопытный ветер лукавый,  
525. пальцы серебряным блеском, а губы — помадой украсив:  
с нежною грудью и взглядом игривым любовник восточный  
сыплет в передник расшитый, влагает в простертые руки  
птиц золотых, благовония ценные, тайные мази.*

*С косами влажными славный возлюбленный, дующий с юга,  
530. дарит слоновую кость на плетенке в искусных узорах,*

<sup>22</sup>μεγαλάρμενος: ἄρμενος:[part. aor. 2 med. к ἀραρίσκω] прикрепленный, прилаженный; подходящий, приходящийся впору. C. Friar: the great-masted mind ; N. Crocetti: La Mente di lungo corso

*дарит божсков, обезьян, талисманы, волшебные знаки.  
Крит, госпожа с обнаженной грудью, на троне высоком  
все поцелуи кладет на весы, чтобы взвесить средь моря.*

Елена слушала молча, как четыре ветра любовно дуют 535. и свистят в ложбине ее грудей: она тоже была словно великий остров среди моря, о который тяжело бьются четыре капитана-ветра! Но эфемерно и бессильно тело женщины: едва оно успеет порадоваться хоть чуточку, едва поиграет в объятиях, 540. как смыкающая уста Смерть хватает ее за обе косы! Многоцветная, многошумная, переполненная гавань двигалась, и в двухвершинной изголодавшейся груди женщины жаловалась тайком страдающая горлица.

Стройный торговец с запахом козла и мускуса 545. приблизился к Крутобровой и медленно развернул перед ней волнуемую волшебную вуаль. Вороны, рыжие, белые кони мчались по ее полю, цари пускали стрелы из золотых луков, в желто-голубых зверей среди диких кипарисов, 550. а по краям вокруг катились прохладные воды. Елена закрыла глаза, словно потерявшая сознание куропатка, старый корсар склонился перед ней и зажурчали его слова: «Я обошел кругом все древо земли, но глаза мои, клянусь, никогда не видели столь совершенной красавицы. 555. Спящий рядом с тобой может только желать о сне!»

Он говорил, склонившись, но его змеиные глазки поглядывали косо на стойкого мужа подле Благоуханной розами. Лучник засмеялся и крепко сжал волосатую руку торговца:

«О, Боже, если бы она оказалась в полном одиночестве на пустынном берегу, 560. как бы мы взяли ее себе на плечи и унесли на быстрый корабль!»

Его полные губы засмеялись сухо, а в глазах вспыхнули искры:

«О, Боже, если бы слова твои были правдой, друг! Но бог послал меня в этот шумный порт, чтобы я увидел и ее мужа, который стоит рядом, словно свирепый лев. 565. Должно быть, вы паломники, прибывшие на святой праздник?»

Его болтливые уста приступили к велеречивому рассказу о том, как душа острова оскудела, женщины здесь бесплодны и даже скотина немощна и не размножается, а кораблей больше нет – они затонули!

«Все это потому, господа хорошие, что царь наш совсем стар: 570. силы в нем больше нет, почки прогнили\*, а заодно с царем и весь Крит телесно бессилён! Впрочем, сегодня вечером он совершит восхождение к богу, чтобы омолодить свой разум, чтобы снова, как встарь, его пустые кости затрещали от избытка силы, а утром он бодро спустится вниз с новыми законами. 575. Но если Бог-Бык не пожелает войти в его немощное тело, старый царь исчезнет в пещере и никогда больше не вернется на свет из сумрачных переходов\*.

Простосердечный народ собирается на плитах дворца и всю ночь будет стараться вдали своими священнодействиями и объятиями 580. помочь немощному царю снова набраться сил!»

Дрожь пробежала по груди и спине Светорожденной, а старый муж с Востока наклонился к ней со скрытной улыбкой:

«Не бойся, госпожа, пусть не дрожат твои уста, подобные алой гвоздике! Только в старину бог пожирал обессиливших царей, 585. но теперь цари научились прекрасно ладить с богами: взяв с собой огромное множество золота, совершают они свое восхождение. Боги ведь – это те же торгоши, и торговаться они умеют».

С этими словами он извлек из-за пазухи старого бога из слоновой кости – башню из семи голов – одна поверх другой, которые вдоволь наелись, 590. извели ласки множества ладоней и поцелуи множества губ. Кривомысленный жадно гладил это чудо из слоновой кости. Семь голов и семицветные огни подрагивали в его мыслях, кончики пальцев медленно, протяжно ощупывали каждую голову, легко и медленно лаская их. 595. В какой-то миг они наткнулись на два крыла и остановились. Кончиками своих опытных пальцев Одинокый поднялся до самой вершины, пройдя по всем ступеням добродетели человеческой.

Внизу была мощная плотская основа – самая крупная голова с огромными клыками, словно у разъяренного вепря, а 600. все его толстые жилы были похожи на защищавшие его рога. Над ней, словно боевой шлем, возвышалась вторая голова со стиснутыми зубами и сведенными вместе нахмуренными бровями, словно у человека, который видит опасность и содрогается перед Смертью, однако стыдиться бежать из-за слишком большой своей гордости. 605. Третья голова с осоловевшими глазами сияла медово-зеленым светом: щеки на ее лице запали от сладостных плотских ласк, и черная капля крови выступала на козлиных губах. Четвертая голова была легка, со ртом, похожим на острый меч, с тонкой шеей и высоко поднимающимся куполом лба: 610. она словно возвышалась на цветке и была не плотью, но чистым разумом. Пятую голову угнетала великая горечь, ее башнеобразное чело прорезали борозды, сжимавшиеся кривыми тропами, словно щупальца мощного осьминога впивались в пламеневшие щеки: чтобы не закричать, в отчаянии кусала она свои тонкие губы. 615. Над ней сияла безмятежно предпоследняя голова, рассуждавшая обо всем уже без радости и печали легко, словно умиротворенный добрый и довольный дух: она созерцала землю, небо и преисподнюю, и бледная улыбка расцветала тихим закатом солнца на увядших губах. 620. На самой высокой пустынной вершине, витая в полном одиночестве в эфире, где все кажется сном и пестрым туманом, над вершиной лысого черепа, блестящего, словно камень, вылизанный морями и изнуренный тревогами, высилась неподвижным пламенем последняя голова, 625. казавшаяся красной нитью, на которую нанизана, словно четки, вся связка голов, повисших в воздухе друг подле друга. Пустым прозрачным светом чистейшим без ушей, глаз, ноздрей, рта, лба сияла священная вершинная голова: ее плоть целиком превратилась в дух, а дух был воздухом! 630. Лучник ласкал ладонью семидушного демона ненасытно, как никогда не ласкал ни жены, ни сына, ни родины.

«О, Боже, если бы моя темная душа могла подняться по ступеням, пройдя через семь уровней, и исчезнуть словно пламя! Но я полон грязи и мыслей и Бык пожирает меня!» 635. Хитрющий торговец лукаво усмехнулся, почувствовав, что осьминог попался на его тройной крюк.

Многоразумный наполнил его десницу золотом и сказал:

«Ты искусно расставляешь сети в мыслях, коварный рыбак. Насыть же свои золотом свои ладони, утоли свою страсть 640. и дай мне демона о семи головах – эту ткань для ловли куропаток!»<sup>23</sup> Раскрывшиеся ладони вождельно поглотили золото, а затем лукавый чужестранец схватил прославленную женщину за кристальную руку и, склонившись, стал исследовать ее ладонь.

«Мой дед был великим чародеем, предсказывавшим судьбу. 645. Говорят, что у него были две головы на пустых плечах: одна, с открытыми глазами, исследовала прошлое, а другая, слепая, созерцала туманное будущее. Эта способность сохранилась и у его внука, госпожа!»

Разглядывая розовую ладонь, он прошептал испуганно:

650. «Звезды и мечи сверкают на твоей ладони, божественная женщина. Я вижу горы трупов и порфиновые реки, текущие среди обширных садов с густым дымом и канарейками!»

Сказав это, он скользнул, словно змея, и исчез среди пестрого порта.

Лучник прикрыл дрожащие плечи женщины 655. прекрасным шитым золотом платком: цари, кони, звери, воды засверкали на вождельных плечах.

Словно возбужденный олень быстро вскакивает на оленицу, стремительно схватил ее за стан Одинокый:

«Глубоко между твоими грудями вижу я весы судьбы. 660. Если правда, Елена, что ты сожжешь дворец, прошу тебя о милости – отплати мне драгоценным вознаграждением: предоставь мне возможность уплыть однажды на рассвете крошечном остроносом кораблике!»

<sup>23</sup> *Περδικοπάρι* – натянутая на деревянную или проволочную основу ткань, за которой скрывается охотник за куропатками.

Он резко отнял руку от сводящего с ума стана, и отражение легкой улыбки исчезло на его челе.

665. «Пора, уже подняться к твердыне бычьих боев, госпожа. Все сказанное – всего лишь игра ума да колыхание воздуха!»

Довольные товарищи уже возвратились с прогулки. Собрав их вместе, Лучник сообщил свое решение:

«Сегодня вечером мы вдвоем отправимся к царю во дворец. 670. Он был нашим славным соратником на войне и, думаю, его кости порадуются, прикоснувшись к Елене. Вы же позаботьтесь о починке нашего разбитого корабля, поставьте новый парус и смажьте корабль жиром, потому что, может быть, бог велит вскоре снова взять в руки кормило. 675. А ты, Двойная Задница, удержись от вина и женских ласк: в любое мгновение, друзья, нам может снова понадобится душа, так что сохраним ее трезвой от вина да женщин! Это я говорю не только тебе, Кентавр, но и всем вам, друзья, и пусть слова мои, как серьги, пребывают у ваших ушей! 680. Ты же, Кузнец, пойдешь со мной: кто знает, может быть, твоим черным рукам мастера придется хорошенько потрудиться в медном дворце. Неупорядоченный шум, словно улей, жужжит у меня в груди, но я еще не знаю, где соберется пчелиный гроздь: все пчелы уже приготовили жала, но и мед у них тоже есть. 685. Не вражда ведет меня во дворец и не дружба призывает туда, но моя обоюдоострая душа пребывает во всеоружии, готовая ко всему – и к радостному пиру и убийственным мечам. Все, что родится от священной связи – мужчины-разума и женщины-судьбы, да будет благословенно, а наша рука удачно извлечет это дитя из пеленок. 690. Держись, Кузнец, наковальня желает ударов молота!»

Скалу огорчило услышанное, и он возразил:

«У нас ведь тоже есть душа, но тебе до нее дела мало!»

Сказав это, Скала тут же оробел и потупил взгляд долу.

Лучник запустил ладони в его кудрявые волосы:

695. «Не торопись, незрелый, я не забыл о тебе. Я знаю, что душа твоя готова и ждет, когда наступит ее черед!»

Он говорил эти слова, глядя его по большой горячей голове, но тут скорбная мысль пришла ему на ум: однажды черная земля – будь она проклята! – разверзнется и поглотит этого огромного человека. 700. Ему захотелось кричать хриплым голосом, извергая ругательства, но он подавил это неразумное желание и смирил гнев:

«Ну, же, не серчай, Скала, не держи на меня зла! Клянусь: однажды я дам тебе самое тяжкое поручение!»

Три покорные черной доле неведомой судьбы 705. отправились на большой бычьей повозке вверх по дороге во дворец.

День сиял и сверкал, словно бронзовая телка. Ласковый вечерний ветерок уже освежал землю. Сверкали, покачиваясь, масляные деревья, и восхитительный свет, уходил, поднимаясь вверх с камня на камень. 710. Какая-то кудрявая девушка вздыхала в одиночестве в виноградниках, и все виноградные листья вокруг увядали из-за ее печали. Сострадательный Мыслями глубоко чувствовал страдание девушки.

«Мне кажется, что это земля стонет, и тоска давит мое сердце, Елена!»

Ласковоглазая только улыбнулась в ответ на мужское неразумие:

715. «Не печалься, Лучник. Это не земля стонет: это девушка вспылала, учуяв проезжающих мимо мужчин!»

Многомудрый горько улыбнулся и не стал возражать: между мужчиной и женщиной есть только один мост над глубокой пропастью, преодолеть которую не может даже летящая птица, 720. потому что душа мужчины пребывает в орлином гнезде высоко в голове, а душа женщины гнездится в глубине между ее грудями.

Предводитель молча вкушал горечь сумерек и безмятежную скорбную нежность всеобщей Матери-Земли. Горы, виноградники и деревья утопали вокруг в густом свете, 725. а Лучнику

казалось, будто они погрузились в глубокие воды, а сам он плавал, словно в голубизне рыба-меч.

Множество мужчин и женщин поднимались вверх по белой дороге. Это были идущие на поклонение верующие с небольшими глиняными изображениями в руках: быки, сердца, маки, голуби – 730. скромные обетные подношения грозной Матери людей и животных. А Морегрудый поднимался вместе с ними как паломник, чтобы принести в дар Тысячегрудой Богине Елену. Он тайком наблюдал за лукавым лысым возчиком, который не мог удержаться от желания поболтать и рассказывал находившемуся слева от него суровому Кузнецу 735. о тайнах священного обряда с постыдными действиями царя:

«Старый царь вернется с горы помолодевшим, а утром на просторной площадке перед ним будут плясать свадебные дружки – быки, которые поведут новобрачного к невесте».

Тут волопас засмеялся, заиграв лукаво глазами.

740. «Посреди площадки стоит невеста – медная невеста с открытым отверстием, и собравшийся с духом царь-бык в присутствии всех совокупляется с ней. Это, друг, и есть таинство, так что пусть другие тебя не обманывают: внутри медного чрева находится настоящая женщина».

Возчик болтал, а в глазах у него горел огонь.

745. «Скажу тебе, друг, еще вот что, только не придавай этому особого значения: окаянный царь пожелал, чтобы невестой была его дочь Крино<sup>24</sup>, и отправил к пещерам отряд охотников-загонщиков, потому что Крино<sup>24</sup> еще девственна и не переносит мужчин. И все равно тебе от него не спастись, Крино, хоть ты и от корня дракона!»

750. Лысый захохотал и вонзил в быков стрекало, а Кузнец молчал, словно онемев, и слушал, как колотится его сердце, словно сумрачный зверь, услышавший шорох среди листвы. Синие сумерки спустились, земля дышала, мохнатые насекомые спускались в обнимку внутри лилий.

755. Молодой пастух поднялся и стоял, опираясь о посох, а склоны гор покачивались, издавая серебристый звон. Женщина с Соединенными Бровями почувствовала жажду и захотела свежей воды. На баштане с пышными от щедрой поливки листьями русый мужчина вращал, словно лошадь, рычаг колодца, 760. поднимая наверх с плеском полные до края ведра. Словно гордые царевичи, красовались среди голых камней подсолнухи. Бальзамин и чернобривец благоухали в сумерках.

По приказу Быстромысленного повозка остановилась, огромный мужчина схватил чашу, наполнил ее водой до краев 765. и, усмехаясь, с испачканными грязью коленями, поднес Крутобровой. Розовые руки освежились, божественное горло возрадовалось, жилы ее насладились, расширились, словно по ним прошел мужчина, и юноша с лучистой бородой смотрел восторженно, как Прекраснейшая пьет, запрокинув шею, словно птица, 770. и устремив на него, словно солнечный луч, свой гордый пушистый взгляд. Лучник же гневно наблюдал за пушистым взглядом Подверженной Страсти, который медленно обзревала мужскую грудь. Он стиснул кулаки, потому что неудержимая ярость овладевала им.

«Пошли», сказал он. «Скоро ночь, нельзя терять драгоценного времени!»

775. Они двинулись дальше, но душа стройной красавицы осталась там же, у дороги. Словно орел, взвизгивающий с вершины на неясные скопления полей, Сокрушитель Крепостей рассуждал о своих загрязненных чувствах.

«Когда вы уже перестанете брюзжать, мои чувства?! И ты, сердце, танцующий волк, когда ты, наконец, утихомиришься?!», 780. говорил себе Плодотворный Разум, упрекая свои темные корни.

Далеко внизу замычал бык, и погонщик остановился:

«Откройте глаза, господа, возденьте вверх руки! Вот-вот узрите вы прославленный дворец!» Путешественник по Миру почувствовал, как вздымается его грудь.

<sup>24</sup> Это имя означает «лилия», изображения которой встречаются в минойском искусстве, а в христианстве она становится символом чистоты (ассоциируясь, в частности, с Богородицей).

785. «Жизнь – это охота. Поутру мы выходим со стрелами. Сколько там фазанов, сколько олениц, сколько радостных встреч на роскошных травах! Но ты, мой лук, крепко удерживай свою тетиву, чтобы не сломаться!»

Подняв ненасытно голову, он вращал шеей, словно змея, 790. и быстро закрыл глаза, чтобы уловить молнию. В висках у него затрещало от радости, город разлился, словно вино, освежая его томимое жаждой нутро: башни, медные колонны, террасы, боги, сады, люди расцветчивали седовласый разум, и словно ткань для ловли куропаток<sup>25</sup>, 795. роскошная страна двинулась в темном воздухе: ненасытный бездонный разум улыбнулся, насытившись. Великая радость охватила его разум, кости стали легкими, а плечи почувствовали, как на них появились крылья, словно медленно поднимающиеся вверх ступени дворца.

800. Одинокий повернулся, восторженно глядя на бывшую рядом Соблазнительницу Мужей, которая, словно пламя, входила по ступеням внутрь дворца. Однажды в такой же час при любовном соединении теней смеялась звезда нагой богини-вертихвостки, а он поставил у крепостной стены кобылу с наполненным чревом. 805. И еще, как и в этот вечер, сияла синяя темнота, когда он молча стоял после омовения на пороге отчего дома, держа в ладонях награду за убийство<sup>26</sup>.

«В добрый час и удачи, темноокая владычица!», шептали уста Лучника, приветствуя тебя, вечерняя пора.

810. В полумраке просторного двора шевелились в пушистом сиянии (χρυσόφεγγαν) толпы, а с высоких прохладных террас гинекея склонялись знатные женщины с обнаженными грудями в золотых перьях, как распустившиеся цветы: они смеялись и смотрели на сновавший внизу пестрый муравейник.

Юные девочки Мелиады, служившие 815. многолетней многогрудой Владычице Земли, радостно украшали белыми цветами лилий и пальмовыми ветвями<sup>27</sup> толстые колонны, подготавливая царские дворы к принятию чуда.

Вдруг срединные ворота распахнулись и появились три арапа со зверскими телами с массивными бронзовыми копьями в руках: 820. два пятнистых леопарда крутились у их мощных бедер.

Какой-то критянин с осиной талией засмеялся и сказал могучему Кузнецу:

«Да здравствуют три любимых спутника нашей прекрасной Диктинны! Злые языки говорят, что юная царевна, самая сладостная и самая благомысленная, издает вместе с ними вопли всю ночь!»

825. Он все еще говорил, когда звездно сверкнули золотые устья дверей и показалось нежное, в пушку изящное тело Диктинны: груди ее шевелились, как новорожденные пушистые звери. Она медленно обвела продолговато накрашенными глазами священный двор, мужские тела и празднично разодетых женщин, 830. губы ее игриво засмеялись, и она снова исчезла в ночи.

Крутобровая спрятала лицо в своих розовых ладонях.

«Боже, глаза мои устали смотреть, а уши слушать. Если бы прилечь где-то в дальнем углу, пока мир не посвежеет!»

Сострадательный пожалел всем сердцем изнуренное божественное тело:

835. «Я скажу стражнику о нашем прославленном роде, чтобы открыли дверь, и ты уляжешься на золотом ложе, Елена. Надеюсь, молва о нас дошла до этих берегов!»

С этими словами он исчез, пробираясь широким шагом сквозь толпу.

Между тем Кузнец молча разглядывал с завистью 840. мастерски изготовленное и пышно разукрашенное оружие, на котором устремлялись в беге львы, расцветали белые лилии, а женщины танцевали и играли с разъяренными быками: каждый меч словно кричал о том, что наболело именно у него.

<sup>25</sup> См. выше, ст. V, 639.

<sup>26</sup> Речь идет об убийстве женихов на Итаке, с которого и начинается «Одиссея» Н. Казандзакиса.

<sup>27</sup> Ср. пальмовые ветви при вступлении Христа в Иерусалим в «Последнем Искушении».

Настала ночь, и Вечерняя звезда погасла в море, словно искра. 845. Появилась запутавшаяся в волосах ночи жимолость, и все кудри во дворе исполнились благоухания.

Прислонившись к колонне цвета моря, Елена наблюдала краем глаза, как знатные дамы играют, виляя своими широкими бедрами и выгибая свои широкие юбки, 850. выставляя напоказ двойное сокровище священной груди. Но Кристальногрудая мысленно бранила их: «Лучше, когда женщина прячет свою грудь, прикрыв ее. Когда затаенный огонь совершенно скрыт, он не растрчивает свою силу. Храни в полной тайне то, что ты желаешь отдать нерастрченным!»

855. Рассуждая так о женском оружии, Многоопытная заметила, что к ней приближается тайком русский садовник. Почти нагой, прикрывший только свои загорелые бедра шкурой ягненка, он стоял перед ней тяжелый и прекрасный, словно добрый бык, а Елена наклонилась, повинаясь приказу, и рассматривала его мощные колени. 860. В мыслях ее внезапно явился бог – белоснежный лебедь, который когда-то набросился на ее мать и повалил ее навзничь на траву. А теперь, боже мой, ты явился встретиться со мной с грязными ногами, пропахшей вином бородой и тяжелым телом! Так вот, склонившись, она чувствовала над собой дыхание жеребца, 865. которое наполняло ее, проникая через раскрытый рот до самой утробы, и давнее наслаждение ее матери внушало ей глубокий ужас. Он молча простер руку, и ее ладони заполнила первозданная, огромная, величиной с ребенка, виноградная гроздь. Его ступни медленно отодвинулись назад, Рожденная Лебедем 870. легко застонала и увидела, как отдаляются его крепкие икры. Подняв голову, она жадно наслаждалась ягодами грозди: трехглавое время было побеждено, в мгновение ока мягкая земля, виноград и вино смешались, ее охватило опьянение, и виноград на высоких шестах объял ее прославленные бока...

875. Одинокий вернулся, когда она пребывала в глубоких раздумьях, все еще с кислосладкой гроздью в ладонях. Ее исполненные наслаждения глаза все еще видели перед собой русобородого. Одинокий обратился к ней с намеками и с легкой насмешкой:

«В добрый путь, госпожа, попутного ветра тебе в парус! 880. Ты плывешь к далеким берегам и вскоре будешь уже в открытом море!»

Он сухо засмеялся через силу и гневно сказал:

«Мы устроимся все трое на ночь до рассвета в углу двора вместе с другими паломниками. Утром, когда царь появится и узнает, кто мы, 885. мы отправимся во дворец, как подобает нашему положению».

Насупившийся и угрюмый пришел Кузнец, и все трое улеглись они на миртовых ветвях между колоннами. Всюду вокруг расположился народ. Звезды источали свет. Женщины, словно птицы, сложили свои цветастые крылья. 890. Девушки устроились в тени, а юноши – где придется, и все стали дожидаться бледного сияния священной луны. Всюду в городах и селениях погасли огни, и только на бледных светильниках богов оставалось еще пламя. Новый огонь должен был спуститься в очаги только утром.

895. Золотой светильник на светился бледным дрожащим светом на жертвеннике шумного двора, радуя плодовитую Мать, вздымавшую кверху, словно жертвенное подношение, свои полные груди, а вверху над ней нависала мужская двойная секира. Белоснежное крыло упокоилось на мягкой земле: 900. Благороднейшая сомкнула глаза, но мысленно она все еще видела свернувшуюся калачиком богиню с широкими бедрами. Глаза у нее потускнели, мысли освободились, и сон поднялся от земли священным плодоносным деревом темной богини, на ветвях которого висели, словно яблоки, обетные подношения.

905. У священного дерева, шелестевшего протяженной колыбельной, которую пела убаюкивающая мать, уснула Елена. Но стоило ее незащищенному разуму чуть шевельнуться, как дерево сразу же исчезло, и высоко над ее грудями повис, словно залитая кровью двойная секира, виноградный гроздь. 910. Она засмеялась и подняла как жертвенное подношение свои груди. Такой вот сон привиделся Прекраснейшей на дворцовых плитах.

А рядом бодрствующий Лучник боролся со своим сердцем, крепко держа его, словно кусачего пса, не позволяя ему залаять. Его имя не произвело никакого впечатления на стражника у врат, 915. который равнодушно и безо всякого уважения оттолкнул его и закрыл перед ним дверь. Опыаненное, вспыхнувшее пламенем сердце немедленно вскинулось, желая наброситься на грозного стражника и сокрушить врата, едва не увлекши за собой и все тело. Тогда возбужденный /Лучник/ проснулся и стал бранить сердце:

920. «Ты все еще сопротивляешься, пес, грызя свою цепь? Знай, что, хотя ты и находишься у двери моего дома, но ты – в нем не хозяин! Не тебе решать, что мне по нраву и что мне не по нраву. Когда стражник оттолкнул своим грозным копьём, разве ты не слышал, пес, как я громко велел тебе прикусить язык! 925. Но ты залаял, и я трижды крикнул тебе: «Терпи! Не торопись, еще придет наш черед!»

Так вот, борясь с собственным сердцем, провел он во дворе всю ночь, то сжимая в ладонях, то снова отпуская на волю свои мысли, словно копыя или головни факела.

930. Необычайно сладок был дышавший свежестью воздух летней ночи. Лилии покачивались вместе с миртами на высоких стеблях, царские знамена колыхались, блестели секиры, и вдруг в разъяренном разуме грозного Борца с Морем ночной Дворец предстал многомачтовым кораблем. 935. О, как горделиво плыл он под поднятыми парусами, груженный всеми благами земли, моря и разума! Пенные воды были совсем сухи, кормчий был пьян, а находившийся в трюме бог отрывал корабельные доски.

Чутко спавший /Лучник/ приподнялся и прислушался.

940. Далеко в высоких горах, через извилистое горло бога царь пробрался в пещеру, желая вернуть себе молодость. Взошла ущербная луна, и Мелигалы<sup>28</sup> стали плясать во дворах своими маленькими босыми ногами, чтобы их пляска и нежные голоса вернули силы старику, поднимавшемуся 945. далеко в горах по тропе Бога-Быка. Бледные и гибкие, они прыгали в лунном сиянии, словно молоденькие тигрицы, и их не познавшие еще совокупления тела были исполнены свернувшейся кольцом силы. По кудрявым волосам и тонким рукам скользили с шипением, густо сплетаясь друг с другом, волнистые священные змеи. 950. Воздев руки к горам, они восклицали нежными голосами:

«О, Мать! Мать-Владычица гор, моря и воздуха, даваемая своими огромными грудями, переполненными молоком! Крит голодает и взывает тебе с побережья: спустись и накорми его грудью! Мать, пусть снова воспрянет к жизни изнуренная земля, пусть от наших посевов снова 955. вырастут деревья, чтобы цвести и плодоносить! Пусть множатся наши стада, пусть движутся, колыхаясь, по нашим ущельям серые, белоснежные, рыжие и черные овцы и козы, пусть корабли наши всегда плывут с попутным ветром, а ты, как пышногрудая горгона у них на носу указывай им путь среди волн, 960. чтобы могущество Крита простирался все шире! Сделай сильными плоть наших мужчин, пожалей наших женщин, наполни им груди, чтобы с них стекало молоко! Критская земля взывает к тебе, Мать, оплодотвори ее! Критская земля взывает к тебе со своими отарами, табунами коней и бычьими стадами. 965. Критская земля взывает к тебе со своими мужчинами, и женщины ее вызывают! Вознеси, Мать, свою священную длань над нашим старым владыкой!»

Мелигалы плясали и вопияли в лунном сиянии, размахивая воздетыми вверх руками, обвитыми змеями.

Толпа вздрогнула, мужчины и женщины пустились в пляс 970. и кричали, вознося руки к дальним горам:

«Владычица, Капитанша, Пастушка, Охотница, спустись к нам во двор и веди наш танец! Топни ногой, чтобы земля снова набралась сил!»<sup>29</sup>

Люди кричали так, что в головах у них трещало, будто двери скрипели, 975. мозги вытекали у них из черепа и бродили, словно сусло. Все границы рушились, мысли свирепели...

<sup>28</sup> Юные священнослужительницы, название которых происходит от «μέλι-γάλα» («мед-молоко»), что является в новогреческом выражением беспечного изобилия. Эти персонажи – плод фантазии Н. Казандзакиса.

<sup>29</sup> Ср. воззвания к оплодотворению в «Критянах» Еврипида.

Вдруг ужас пробежал у них по спине: Тень прыгнула на плиты... Распущенные волосы, кровавый лук, резкий вопль стрелы!<sup>30</sup> Тень метнулась, ведя за собой танец, движения которого смешались... 980. Жених терял невесту, девушка – возлюбленного, танцоры плакали и вопили, желая вернуться назад, но ведущая танец Смерть разъярялась и свирепела все больше. Запрокинув вверх лицо, все оказались в западне у луны и с радостью и восхищением запели, словно соловьи, 985. влюбившиеся и заблудившиеся в цветущих зарослях.

Вдруг стремительная пляска прервалась, круги танца разорвались, резкий крик хищной птицы пронесся по ступенях дворца, и все в испуге укрылись у колонн.

«Это Фида, первородная дочь царя, кликуша!»<sup>31</sup> 990. Бог снова поразил ее, она снова обезумела от лунного света!», завопили женщины, закрывая себе уши руками.

Стоя на верхней площадке лестницы, опершись о священные секиры, охваченная экстазом девушка с красными лохмотьями на бедрах, яростно воздевала ввысь руки, а затем била ими себя в грудь:

995. «Боже, вот уже годы, как я взываю к тебе, разрывая себе сердце! Поднимись с земли, убийца, и облачись в свои железные доспехи, извергни пламя, сожги корабли и испепели весь Крит!»

Она словно задыхалась от собственных пронзительных воплей, изо рта у нее извергалась пена, а затем вне себя ринулась она вниз по ночным ступеням.

1000. Перепуганная охваченной лунным безумием люди бросились врассыпную, но Лучник стремительно прошел сквозь толпу бегущих и бесстрашно склонился перед ужасающим телом, болезненно содрогающимся от лунного света. Бог-кровопийца высосал у девушки мозг, и та, словно попавшаяся на крючок рыба, билась, пытаясь 1005. освободить горло от крюка, из-за которого задыхалась. Многострадальный бережно собрал в свои ладони ее русые волосы, чтобы она не ударяла свою хрупкую голову о камни. В ужасе молча вглядывался он в мутные белки ее глаз, вращавшихся в окровавленных орбитах.

1010. Когда он нагнулся, чтобы утереть пот с ее мокрого чела, из распахнувшихся настежь дверей выбежали выбритые наголо евнухи, склонились над девушкой, которая лежала долу, словно изодранная ткань, легко подняли ее и стремительно исчезли среди извилистых гроздей дворца<sup>32</sup>.

Охваченный болью Лучник прилег на миртовых ветвях, 1015. думая, сколь бледна и немощна душа человеческая, подобная крошечному обрывку ткани, подхваченному бурными ветрами. Он медленно прислонил голову к основанию колонны и насыщающий (σαρκοθρέφτης) плоть бог, молчащий всю ночь, сон, соединил в швы разрывы его головы.

1020. Просторные дворы гудели в болезненном (λεβρό) лунном свете, снова началась пляска в четыре круга, и все славили старого царя, желая ему новых сил. А тот, словно младенец, полз вверх по труднопроходимой горе, его гладкие губы слабо улыбались, и приплюснутая голова 1025. светилась в бледном серебристом свете луны, словно голый череп. Он приблизился к зеву бога – черной впадине и остановился, чтобы перевести дух.

Сладостно дул свежий ветер, звезды отмечали одна за другой начертанные судьбой тайны.

1030. Царь сухо засмеялся беззубым старческим ртом.

«Мои злосчастные предки испуганно наблюдали по ночам за звездами, желая увидеть счастливые знамения и прежде, забиться в темную пещеру бога, увидеть священную Мать, а я держу теперь звездное небо в моих руках!», 1035. сказал он и бесстрашно шагнул внутрь низкого входа, проскользнув змеем между блестящими влажными камнями.

Своды пещеры становились мало-помалу все шире, все выше поднималось блестящее огромное небо бога. Струями ниспадали вниз висящие во мраке друг подле друга колонны,

<sup>30</sup> Явление Одиссея перед убийством женихов в «Одиссее» Гомера и в драме Н. Казандзакиса.

<sup>31</sup> Имя Фида от φίδι «змея», которая была одной из самых ярких реалий минойской религии. Этот персонаж возник под явным влиянием Кассандры.

<sup>32</sup> στου παλατιού τις ρώγες = fleeting down the palace corridors = nei meandri del palazzo

1040. а от земли поднимались мощные фаллосы, обвязанные густоволосыми красными лохмотьями: эти были обетные подношения женщин. Кружились, все больше запутываясь и сужаясь, повороты, густая черная кровь, стояла в глубоких впадинах. Царь все дальше скользил по внутренностям бога. 1045. Испуганные летучие мыши летали у его ушей... Вдруг появился свет факелов, послышались пронзительные крики, женщины с коровьими головами с одной обнаженной грудью выскочили из углублений и с мычанием стали бодать царя, прогоняя его. Но вот воздух разорвал женский крик 1050., и тут же девушки заметались вокруг отлитого из бронзы мощного быка, который искрился среди яростных огней факелов, между золотыми рогами засверкала черная двойная секира, по его широким бедрам медленно поднялась женщина-змея (δρακόντισσα), поддерживая в ладонях свои тяжелые соски.

1055. Бросившись ниц на землю, царь закричал: «Помоги, Мать, Величайшая Мать, рожающая богов, зверей и людей, помоги! Я считал себя великим царем, потому что однажды ночью ты возложила мне на голову свои великие длани, из которых заструился дух и сила низошла от твоих десяти пальцев в мое сердце. 1060. Божественные семена, которые ты посеяла в моей голове, Владычица, проросли все и принесли урожай – корабли, войны, законы, но теперь, Мать, они зачахли и больше не плодоносят: я израсходовал весь мой дух, плоть моя опустела, и вот, я принес тебе мое тело, чтобы ты снова наполнила его божеством!»

1065. Мать молча оценивала старика взглядом, а затем медленно, насмешливо раздался в пещере ее стенание:

«Я вижу, что силы твои иссякли, и ты больше не в состоянии быть Быком. Ты разлетишься на куски, словно наполненный пламенем бурдюк, если я опущу на тебя мою грозную руку!»

1070. Застонав, царь кивнул, велел девушкам удалиться, и юные телки бросились врассыпную, попрятавшись в скалах.

Когда они остались вдвоем, взгляды их встретились, словно хитрые звери, и игриво засмеялись в темноте.

Мать медленно простерла свои полные, покрашенные руки, 1075. а царь молча вложил ей в одну ладонь крупную жемчужину, а другую наполнил сладостным и обворожительным золотом. Но женщина-змея, спрятала дары в утробе быка и снова протянула руки, жадно раскрыв ладони.

«Я отдаю тебе три большие селения, ненасытная Мать: 1080. одно – на равнине для зерна и твоих льняных одежд, другое – порт, чтобы радовать тебя богатствами с моря, а третье, самое лучшее, находится на высокогорье, чтобы разводить прекрасных бычков и мужское потомство».

Мать засмеялась, удовлетворенно сложила вместе руки, 1085. и издала громкий крик радости. Сбежались девушки-телки со священными царскими украшениями на руках: павлиньи перья, тройной золотой короной и диском из слоновой кости с множеством таинственных извивающихся знаков, посередине которого был изображен яростный круглый глаз бога, 1090. а вокруг – танец карсиламас<sup>33</sup> из сердец и человеческих голов, опоясанный широким кругом украшений, животных, соколов, змей, а по самому краю плыли девять высоких галер. Эти таинственные знаки, вырезанные по драгоценной слоновой кости, отображали повеления и великие заботы грозного бога.

1095. Хитроумный царь наклонился, а Мать опустила свои руки на его лысую пустую голову и громко воскликнула:

«Я оценила и взяла тебя как сокола: ты мне по нраву! Подняв двойную секиру, я отвергаю твою душу: пусть сила снизойдет с рогов и укрепит твой разум! 1100. Пусть сила молодого

<sup>33</sup> Карсиламас (от тур. *karşilama*) – танец, который исполняют два расположенных друг против друга рядов танцоров, распространенный в ряде областей Малой Азии (Каппадокия) и Греции (Македония, Фракия и островах – Сирос, Лесбос, Имброс).

фаллоса поднимется и опояшет твои чресла. Поднимись, мистическая змея и девять раз опояшь его, чтобы девять лет и зим бог наполнял твое сердце!»

Так сказала она, и из устья пещеры взметнулось, ликуя, пламя высотой в два человеческих роста, возглашающее новорожденную весть. 1105. Это пламя ринулось радостно до самой вершины Дикты<sup>34</sup> и, сверкая звездой, понеслось к безмятежной Селене<sup>35</sup>, вонзившись воздетым прямо столбом в скалы, а скотоводы и пастухи стали неистово плясать пентозалис<sup>36</sup>. Видел его и Юхтас над Кноссом, сотрясаясь до самой вершины: 1110. пастухи звенели бронзой, бросая деревья в костер, и пламя метнулась к кровле Дворца, словно взмахивающая порфириными крыльями орлица, трепетала и стремительно зажигала своим пылающим клювом огни во всех его верхних окнах. Огненная орлица падала легко в царские дворы, поднималось к городу, 1115. взлетала и садилась в угасших очагах, и там, где она задерживалась, откладывала и оставляла яйцо – пылающие угли.

Царь ехал по равнине в свадебной повозке, которую везли четыре белоснежных быка с золотыми рогами. Высоко в небо пылали огромные звезды, и все крестьяне из окрестных селений сбегались с пальмовыми ветвями\* в руках, чтобы поклониться помолодевшему старому царю. Девушки устилали землю своим расшитым приданым: бог переполнял царя, и теперь его сила через быков, колеса, повозку изливалась прямо на землю, 1125. а, попав на одежду, она переходила затем в тела.

Храня в себе новое семя, царь ехал целый день, а трое наших знакомых шли тем временем не спеша по городу: всюду разводили огонь в харчевнях, украшали двери, вымытый порог которых прямо-таки сверкал, девушки поливали мяту\*, 1130. кудрявый базилик и стройные лилии.

И вдруг лица их радостно засияли, обратившись к востоку: появилось ли золотое облако на взгорье, друзья, или беззвучная молния разрежала вдруг истощившуюся равнину? А, может быть, это наш царь стремительно спускается с гор?

1135. На закате солнца во дворах Дворца забили барабаны, и вся страна вдруг загремела. Всюду размахивали пальмовыми ветвями, всюду были черные глаза, желавшие узреть царя, но тот исчез в запутанных переходах дворца, разгневанный сообщением, что охотники не поймали невесту 1140. и возвращаются без добычи, с пустыми сетями. Вне себя от гнева, царь приказал убить двойной секирой трех главных ловчих и завернуть их в сети, которые они так долго таскали на своих плечах. Все ужаснулись новой силе, наполнившей старика: 1145. ни кротость, ни терпение человеческое не унимали его гнев.

Выждав, когда пройдет первая вспышка его гнева, Лучник велел сообщить царю, что он дожидается у врат, а вместе с ним и прославленная крутобровая Елена. Долго ждали они, стоя у царских врат. 1150. Мысли в голове у Гневливого бурлили, словно в кипящем котле, а стоявший рядом Кузнец еще больше накалял обстановку своими шутками:

«Не верю я своим глазам, в голове у меня не укладывается, что Лучник, словно нищий, стоит в ожидании у врат!»

Неукротимый (ασπείδιστος) только кусал себе руки, и кровь в нем бурлила:

<sup>34</sup> Действие происходит в Диктейской пещере, где его Рея родила Зевса, спрятавшись от его отца Крона, чтобы тот не проглотил младенца. Эта пещера была местом культа со времен античности.

<sup>35</sup> Горный массив Селены (1559 м) находится к северо-востоку от высокогорья Ласифи, доходя на востоке до вершины Махера (1487 м).

<sup>36</sup> *Пентозалис* – знаменитый критский старинный танец, в котором склонны усматривать отголосок военного танца охранявших младенца Зевса куретов. Ср. Эм. Вивилакис, “Neugriechisches Leben, verglichen mit dem Altgriechischen; zur Eriduterung beider”, Berlin, 1840 (=Βυβλάκης, Εμμανουήλ (2005). *Ο νεοελληνικός βίος σε σύγκριση με τον αρχαιοελληνικό – Μια αμφίδρομη ερμηνεία*. Ηράκλειο: Βικελαία Δημοτική Βιβλιοθήκη. σελ. 97): «Пентозалис («танец пяти шагов») ... засвидетельствован в восточных районах Крита, в Кноссе и в Ласифи. Этот танец – не что иное, как самопроизвольные пляски (*τα αυτοδαή ορχήματα*) у Софокла («Аякс», 693-701)». Приводится также описание в «Илиаде» (XVIII, 590-605).

1155. «Сдерживай глубоко отмщение, сердце, держи его в тайне!<sup>37</sup>. Нет в этом мире невесты с более богатым приданым: пепел у нее в сундуках, кровь у нее в сосудах, а ее свадебный дар – кинжал с черной рукоятью».<sup>38</sup>

Жаркий ветер поднялся с юга, море распахнуло свои веера.

1160. Словно белые призраки, под парусами, похожими на саван, рыбацьи шхуны, галеры, парусники медленно заплывали в глубокие голубые сны спящего Крита. Крит спал словно безмолвное морское животное, вынырнувшее для передышки из черного омута времени,

1165. а над ним пребывала зеленая растительность, животные и люди лежали, беззаботно вытянувшись всем телом, образуя тонкую корку. Земля Крита чувствовала, как по ее толстой коже ползают мириады насекомых, и поэтому иногда почесывалась, от чего все сразу же летело вверх тормашками. 1170. А иногда она зевала, и тогда землетрясения поглощали крепости, пока /остров/, передохнув, не погружался снова в море!

Но прежде, чем /Крит/ погрузился в волны, уйдя в омут, стоявший у колонны Лучник ухватился за него и сказал:

«Не погружайся в море, Владычица Крит, пока мой разум не успокоится!»

1175. Не успело стихнуть рычание Убийцы, как он услышал приближавшиеся шаги. Врата отворились, и двое безволосых придворных в золотом оперении, похожие на приземистые сосуды, приветствовали его и возгласили пронзительными голосами:

«Непобедимый владыка морей, великий сын Быка благосклонно согласился явить вам свой лик!»

1180. Золотыми жезлами они прокладывали путь по черным переходам вдоль рядов пустых складских помещений, у старинных почерневших от огня лестниц, у поросших травой и зияющих пустотой башен, обвалившихся балконов<sup>39</sup>. Священный Дворец был словно доспехи ставшего драконом предка<sup>40</sup>, по которому плыл теперь изнеженный внук.

1185. Внезапно в черной стене медленно отворилась потайная дверь, и перед глазами возник весь в золоте зал повелителя. Между двойных секир восседал на троне царь – горделивый нос огромного покоряющего моря корабля, словно бог моря, изваянный в огромной жемчужине, 1190. опирающийся о поднимавшееся справа от него коралловое дерево. На более низких тронах вокруг сидели старые капитаны – облысевшие, впавшие в детство, пахнущие перезревшими яблоками, а за ними красовались тучные хитрые евнухи – страхи гинекея и бога, банщики и толкователи снов. 1195. Нагие отроки в поясах из длинных павлиньих перьев сияли, словно змеи, окаймляя, словно украшения, трон: в руках у одних были дымящиеся кадила с благовониями, у других – лилии на длинных стеблях.

В этот момент старый царь передавал в руки золотых дел мастера слиток чистого золота величиной с голову младенца, 1200. чтобы тот изготовил разукрашенную священную чашу для благословений бога. Царь наставлял мастера, чтобы тот запомнил хорошенько:

«Бог стоит в высях, а я – на земле перед ним. Справа от меня повисло огромное солнце, слева – луна: их двойные лучи соединяются единым свечением<sup>41</sup> в моих глазах.

1205. Бог простер руку, вверяя мне круглый диск земной вместе с душами и великими законами, а я неподвижно держу в ладони всю землю. Бог вопрошает, а я отвечаю, устремив на него взгляд. Я тоже спрашиваю, а он отвечает мне как близкому другу.

1210. Будь очень внимательным, мастер, объясни это своим рукам, потому что эту встречу предстоит отобразить в чистом золоте: ты обессмертишь то, что произошло на земле во мгновение, равное вспышке молнии!»

<sup>37</sup> То же в гомеровской «Одиссее» и в трагедии Н. Казандзакиса «Одиссей».

<sup>38</sup> Кинжал с черной рукоятью жених дарил невесте, если та была девственна.

<sup>39</sup> Точнее «выступающих веранд» χαυιάτια, характерных для турецкого дома. Поэт описывает Дворец не в реконструированном виде, а в современном ему состоянии.

<sup>40</sup> ставшего драконом предка...

<sup>41</sup> единым свечением ηλιόκροστη: небесное явление при котором видно одновременно солнце и луну.

Сказав это, царь взмахом руки велел мастеру удалиться, а затем, прищурив свои змеиные глаза, обратился к стоявшей перед ним царственной паре, поприветствовав ее шипящим голосом, сказал:

«Большую радость испытывает Бык, принимая своей широкой пастью в эту священную ночь Прекрасную как Солнце Елену: судьба слепа, но бог ведет ее за руку. 1220. Добро пожаловать, белоснежный цветок, лилия на высоком стебле: ты тоже повиснешь на золоченных рогах Быка!»

Его глаза насмешливо осмотрели с ног до головы Многохитростного, от чего душа в нем содрогнулась, а разум учуял недоброе:

«Я прекрасно помню твою голову в шапке набекрень! Судьба свела нас вместе где-то на соседних берегах: 1225. ты был простым подпаском у бедного скотовода, но часто бывал в обществе могущественных царей, потому что твоя коварная голова измыслила множество хитростей».

Гневливый не растерялся: сдерживая насильно свое сердце и душу и успокаивая разум, он вспомнил ужасную пещеру, 1230. Одинокое одноглазого Киклопа и неразбавленное вино, которым угощал его, поднося в наполненных до края глиняных сосудах.

«Держись, сердце, переноси страдания, облизывая свои оковы, притворись довольным, улыбнись и умело угости новым сверкающим вином, которое ты принес сюда – Обманчивой Взглядом Еленой!»

1235. Проворный в Хитросплетеньях сразу же выбрал свою ткань и, прикрыв глаз, кивнул Разрушительнице Твердынь, которая испуганно поднялась по золотым ступеням к трону, как поднимается, держась прямо и покачиваясь, вельможная госпожа Пламя.

Истощенный царь запустил свои иссохшие пальцы 1240. в ее сияющие волосы, и благоухание привело в замешательство его мысли:

«Земля разогрета, горы благоухают, рога качаются, телка Елена: бык замычал в глубинах моего тела!»

У евнухов затряслась шея, губы усмехнулись, и золотые серьги в ушах радостно зазвенели. 1245. Царь простер руки, взгляд его помутнел:

«Двойная твоя милость, двойной разум, двойные рога! Бык, отец большеглазый, далеко, среди огромных волн, смотрел ты, как пришла невеста с обнаженными грудями, и мычал, облизывая свои блестящие бедра. 1250. Теперь я понимаю, почему ты не загнал в мои густые сети дикое девственное тело, на которое охотились семь дней и ночей. Пусть глашатаи объявят в горах и селениях, что бог избрал невесту, а Крино пусть без страха спустится на площадку священного обряда вместе со своими благочестивыми госпожами!»

1255. Старик говорил, содрогаясь от охватившего его желания, а Хитромысленный наблюдал, как старый повелитель вращается и утопает в безмолвных водоворотах своих мыслей.

Смыкающая Брови глянула на него и в ужасе, словно уже почувствовала у себя на спине тяжелое дыхание животного воскликнула: «Помоги!» 1260. а его прищипоренный разум безжалостно наблюдал, как она содрогается:

«Многие считают ее богиней и поклоняются ее силе, другие обнимают ее как женщину, теряя при этом разум, а для меня она – поющая птица-приманка в руке моего бога!»

Быстро взвесив все в уме, он обратился к царю, словно льстивый шакал:

1265. «Положив руку на сердце, преклоняюсь я перед Быком! Он стоял на берегу Крита как рыбак, завлекая нас вместе с моим кораблем в свои окровавленные сети любви<sup>42</sup>, а теперь мы плывем в его священную пасть – да исполнится воля его! Ляг в телку-невесту, блаженная Елена: 1270. бог добр и любил запах человеческий!»

Но царь осерчал, и желчь разлилась в нем по всему телу, поднявшись до самых глаз:

<sup>42</sup> Рыбак – В Новом Завете – Петр, в «Одиссее» Н. Казандзакиса далее – Христос.

«Я знаю, что веры у тебя нет. Пока ты говорил, я разглядел, как ты поставил в моей твердыне коварную кобылу! Ненавистен мне человек, который всю свою жизнь вращает, словно животное, 1275. скользкий ворот своего ума, подобно выхолощенному мулу, и не способен найти нового пути. Теперь ты завел в мою твердыню ту же приманку – бронзовую телку, внутри которой пламя – Елена! Но тяжел мой бог – секира, рубящая любой замысел! 1280. Зря вошел ты в мой дом с факелом в руке: крепок капкан, в который ты попался, коварный лис!»

Упрямец молча осмотрелся вокруг и подумал, что много легких черепов, в которых хранится мозг, бог же никогда не пребывал в двойной секире, 1285. а в крепких руках, которые держат ее высоко воздетой!

Старик пристально наблюдал, как он вонзает свой пронзительный взгляд, словно пылающий обильным огнем факел, в его несметные богатства, и, словно его коварный разум вдруг принял решение, сказал:

«Я держу на плечах землю: жизнь дана мне тяжким долгом. 1290. А потому я считаю, что поднявшееся передо мной пламя я должен затоптать моей пятой, пока оно не поднялось высоко. Ты же, злоногий<sup>43</sup>, никогда не вошел ни в один дом, не держа в руке факел, чтобы устроить пожар!»

Поджигатель испугался, но подавил в себе страх:

1295. «Есть бог дружбы, который распоряжается любовью! Я – твой давний друг, постучавшийся в твои бронзовые ворота, и в руках у меня не пылающий факел, а яблоко дружбы!»

Но царь повернулся к своим упитанным евнухам и сказал насмешливо:

«И как земля не поглотила этого человека, когда он говорил о дружбе! 1300. Он, похитивший жену у своего самого верного друга!»

«Бог велел это мне: я этого не желал и лил слезы ручьями!»

«Бог дарует вам несметные блага в утробе Быка! А теперь попробуйте выбраться из его извилистых, с множеством поворотов внутренностей!»

При этих словах безволосые снова сухо засмеялись, 1305. и золотые серьги снова зазвенели в их мягких волосах ушах.

Елена прильнула грудями к коленям царя, и игривость змеи сверкнула вокруг ее шеи.

«Клянусь, я покинула мой счастливый семейный очаг по своей воле. Великий бог похитил меня, и я с радостью последовала за ним. 1310. Будто белый бык пришел и стал играть со мной на лугу, но затем вдруг вскочил, взревел и стремительно бросился в волны<sup>44</sup>, а теперь он прижимает меня, все еще в пене, к твоим покрытым золотом коленям. Теперь я радуюсь, что удостоилась узреть, кто такой Бык!»

Царь закрыл глаза: сладостными показались ему эти слова, 1315. а сердце Говорившей Цветастые Освежающие Слова возрадовалось в ее пышной груди. И рубин ее множество раз целованных уст заговорил снова:

«Прошу тебя только об одной милости как о даре нашего божественного брака: не тронь, суженый мой, моего многострадального товарища!»

Тепло поднялось от ее разрывающихся грудей до разума старика:

1320. «Ради твоего драгоценного желания, милая, я сохраню ему жизнь. Однако бог внутри меня кричит, что пора уже, Елена, этим глазам и мыслям исчезнуть из мира!»

Сказав эти слова, он обратился к безволосым вельможам гинекея:

«Пусть Мелигалы возьмут нежное тело Елены, 1325. пусть умастят его густыми благовониями и научат, как сладостно должна она соединяться с богом в течение семи дней

<sup>43</sup> *Злоногий* – человек, который приносит зло в дом. Первый человек, который входит в дом на Новый год несет с собой либо добро, либо зло на следующий год в зависимости от его характера. См. также прим. к II, 1236.

<sup>44</sup> Реминисценция мифа о похищении Европы.

и ночей. Я желаю, чтобы она возлежала на ложе моей дочери Диктинны, а проклятой Фиде не позволяли приближаться к ней! Друзей же ее разместите удобно в больших гостевых палатах, 1330. чтобы они питались и отдыхали там достойно царских богатств: их ненавистные головы хранит рука Елены. Однако пусть они не осмелятся убежать из Дворца: я буду держать их как орлов в золотой клетке, чтобы они не взмахнули крыльями под солнцем и души их не погибли в моих когтях! 1335. Отроки пусть останутся: время принимать нам теплую купель, чтобы тело наше насладились и воодушевилось, а разум освежился, потому как всю ночь я долго и тяжело боролся с богом!»

Так он сказал. Полусонные евнухи и вельможи поднялись, отовсюду сбежались рабы с факелами, и носильщики 1340. склонились, чтобы дать пройти царю, изнемогавшему под тяжестью золота. Совсем нагие отроки бежали впереди с сосудами с розовым маслом, обрызгивая путь благовониями жидкостью, а последним следовал за ними Разрушитель Крепостей, и душа его сыпала искрами от всех его двадцати цепких пальцев, 1345. а семь голов колыхались одна над другой в воздухе.